

Елена
Камзолкина

Так бывает

16+

Елена Камзолкина

Так бывает

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=51567671
SelfPub; 2020*

Аннотация

Все произведения, вошедшие в сборник, посвящены женщинам. И, конечно же, любви. А она всегда разная... Потому и рассказы разные – грустные и веселые, со счастливым концом и открытым финалом, когда неизвестно, что впереди – радость без края или грусть потери и расставания. И написаны они в разные годы – и когда было тоскливо от безысходности, и когда появилась надежда. И жанры, в которых написаны рассказы, тоже разные: тут и мелодрама, и романтика, и реализм, и фантастика, а повесть «Дама по особо важным делам» и вовсе детектив, где каждая глава предлагает читателям очередную загадку. Некоторые рассказы этого сборника ранее публиковались в журналах, и автор поплатилась за это – сценаристы заимствовали сюжеты для телесериалов. Но автор не в претензии: о женщинах сколько ни напиши, все мало. Они заслуживают иного, но прежде всего – любви.

Содержание

В розовом свете	4
Билет до востребования	4
Скамейка на выбор	14
Два свидетеля	28
Жених напрокат	39
Коробка передач	53
Край света	68
Конец ознакомительного фрагмента.	78

В розовом свете

Билет до востребования

– Не годится!

Вера взяла папку и вышла. В коридоре ее толкнули, в дверях зацепили плечом, на улице окатило снежной грязью из-под колес. Впору расстроиться, но бескровные губы изогнула улыбка. Дайте срок, она тоже будет портить пальто пешеходам.

Как только Вера появилась в библиотеке, остальные сотрудницы засобирались по домам. Через пять минут кончалась дневная и начиналась вечерняя смена.

Из-за стеллажей возник мужчина с плечами, краплеными перхотью. Положил на стойку две книги и уставился на Веру. Она заполнила формуляр, мужчина молча взял книги и вышел, не придерживав дверь, от чего она закрылась с трескучим грохотом. Хам!

Больше в библиотеке никого не было. Вера достала из сумки папку, из ящика стола, отомкнув замок, картотеку и приступила к работе. Она бегло просматривала страницы рукописи и те из них, которые нельзя было использовать, отправляла в мусорную корзину. Никакого сожаления при этом она не испытывала, хотя некогда любовно шлифовала

ла каждую строчку. Год назад такое отношение к собственноручно написанному, выстраданному было немислимо, но сейчас все изменилось, и виной тому Катерина. Спасибо ей.

С одноклассницей они встретились в переходе под Пушкинской площадью.

– Верка!

– Катя?

– Как живешь, подружка?

Вот еще новость. Никогда Катерина ее за подружку не числила. Хотя, была бы признанная школьная красавица малость поумней, не чуралась бы общения с невзрачной одноклассницей, ибо безликость последней подчеркивала бы привлекательность первой. Это еще Мопассан доказал. Но Катерина французскую классику не читала, как, впрочем, и русскую, на уроках литературы демонстрируя вопиющее невежество.

Живейший интерес одноклассницы нашел объяснение, когда подошли к концу дежурные вопросы и ответы, вместившие несколько лет, пролетевших со времени окончания десятого класса. Катерина не столько слушала, сколько тархтела о себе. Работает секретарем в фирме. Работа ничего, только мужики прохода не дают, козлы вонючие, о женитьбе не заикаются, все бы на халявку попользоваться, истинно козлы!

– Слушай, а чего тебя в библиотеку занесло? Говорили, ты в «пед» поступила, потом английский преподавала.

Вера повела плечом. Распространяться об этом она не хотела. Не вышло из нее учительницы. Шантрапу нынешнюю надо в строгости держать, тогда и успеваемость будет, и дисциплина. А она себя поставить, как надо, не смогла. Ученики над ней издевались с недюжинной изобретательностью и свойственной детям жестокостью. Она крепилась, но потом ушла, предпочтя пыльные библиотечные закоулки шумным коридорам и светлым школьным классам.

– Помоги, а?

– Что случилось? – опасливо спросила Вера, не зная в себе сил, достаточных для помощи кому-нибудь, кроме дворовой кошки, которую она подкармливала, но которую не могла взять в дом, поскольку мать была категорически против.

– Тут такое дело...

Не к ночи помянутые козлы в мужском обличье совершенно достали Катерину. Разуверившись в сослуживцах и случайных знакомых из случайных компаний, она решила внести коррективы в свои матримониальные планы. Не надеясь на встречу с состоятельным местным папиком, потому что все наши папики уже расхватаны теми, кто пошустрее, Катерина обратила свой взор на Запад, Восток (японцы такие вежливые), Север (пускай скандинавы сдержанные, зато щедрые) и Юг (только никаких африканцев). Лучше всего, конечно, заполучить какого-нибудь американца – хоть из Северной Америки, хоть из Южной. Там законы правильные.

Ей только колечко надеть, там уж она своего не упустит!

Довольно скоро, однако, выяснилось, что все не так просто. Внешностью ее природа не обидела, с фотографиями проблем нет, но господа иностранцы, видите ли, не только посмотреть хотят на будущую половину, а тут уж она постаралась – настоящая русская красавица, работающая да покладистая, им еще поговорить охота. А с языками у нее туго.

– Поможешь? – и одноклассница, ухватив Веру за рукав, потащила ее по переходу.

Пять минут спустя они сидели за отдельным столиком в пиццерии, и Вера читала всплывшее на экране планшета состряпанное Катериной письмо. И думала, как помягче сказать, что сочинение это способно лишь отпугнуть потенциального жениха. Безграмотно – это полбеды, ошибки можно поправить. Написанное никуда не годилось по другой причине – примитивно, напористо и ни капли лирики.

– Ну как? – спросила одноклассница, с жадностью поглощавшая пиццу «Маргариту».

– Понимаешь, Катя...

Вера старалась быть тактичной, но Катерина все же обиделась, хотя чуть погодя была вынуждена признать, что в сказанном есть резон.

– Может быть... – проговорила она, забыв про недоеденную лепешку, украшенную помидорами с корочкой расплавленного сыра.

Вера не стала рассказывать, что уже несколько лет каждый

вечер проводит за письменным столом, создавая роман за романом. Правда, творения ее никак не найдут издателя, куда бы она их не посылала. Обычно рукописи исчезали, будто их и не было. Вера не удивлялась, помня о стандартной формулировке: «Рукописи не рецензируются и не возвращаются». Но несколько раз ей звонили, просили зайти. Она собиралась с духом и шла, как на Голгофу. Поднаторевшие в выпуске «сентиментальных», «любовных», ««розовых» (как ни назови, суть не меняется) романов редакторы начинали толковать ей, что стиль, слог, композиция и прочая, прочая – это еще не все. Эротика нужна! Сцены чувственной страсти – чем откровенней, тем лучше. Этого хочет замордованная бытом простая русская женщина! Она выслушивала эти разглагольствования, забирала рукопись и честно пыталась «заземлить» любовные эпизоды, но получалось либо беспомощно, либо пошло. И тогда, не изменив ни слова, она отправляла рукопись в другое издательств, надеясь, что уж здесь-то дадут оценку ее высокохудожественным текстам и возвышенным мыслям. Но все повторялось.

То, что с точки зрения издателей не годилось для широких масс, идеально соответствовало задаче, стоявшей перед Катериной.

– Я попробую, – сказала Вера.

Договорились встретиться через два дня. Катерина приехала в библиотеку перед самым закрытием. Вера проводила последнего книгочея, после чего вручила однокласснице два

распечатанных на принтере листа с текстами на русском и английском. Катерина с видимым недоверием стала читать. Закончив, восхищенно взглянула на Веру.

– Сильно!

Несмотря на убожество комплимента, Вере он пришелся по вкусу. Услышать такое от человека, которому завидовала на протяжении многих лет, это что-то да значит!

Так возобновилось их знакомство, которому не суждено было перерасти в дружбу. Слишком они были разные – Вера и Катя. Но они нуждались друг в друге, и это сплачивало. Катерина отбирала в Сети подходящие кандидатуры, а Вера сочиняла послания, находя в том выход чувствам и реализуя свое неумную страсть к писательству.

К своей героине, которая лишь относительно напоминала Катерину, а куда больше саму Веру, точнее, ту женщину, которой ей хотелось бы быть, она относилась с нежностью. Должно быть, поэтому письма получались искренними, а некоторая сентиментальность вовсе не мешала, напротив, выглядела органично. Что касается телефонных и скайп-разговоров, к которым склоняли русскую красавицу некоторые кандидаты в женихи, то лже-Катерина отказывалась от них наотрез, с кокетливым консерватизмом объясняя, что предпочитает эпистолярный жанр, поскольку письма предполагают ту степень доверительности, которая так важна в нарождающихся отношениях двух людей. Объяснение звучало многообещающе.

Через месяц солидный предприниматель из Оклахомы прислал вызов и авиабилеты в два конца, как и было оговорено. Днем позже аналогичный «презент» поступил от владельца небольшой сети закусочных в южных департаментах Франции. Катерина выбрала пищевика.

Вернулась она не солоно хлебавши. Очевидно, образ, сложившийся у француза благодаря письмам, и живая Катерина, имели мало общего.

Духом Катерина, тем не менее, не пала.

– Оклахома, это где? – спросила она у Веры.

Та не стала разжевывать, что Соединенные Штаты Нью-Йорком не исчерпываются, есть там своя глубинка, своя провинция, сказала лишь, что места там красивейшие, напоминают чем-то нашу Воронежскую область. Так это или нет, она и сама не знала, а Катерина не опровергла и не подтвердила ее слова, потому что из США не воротилась, обручившись с оклахомским бизнесменом. Вере она черкнула открытку, в которой было много «ахов» и «охов» и ни слова благодарности.

На том история могла бы и закончиться, но электронные письма в почтовый ящик Веры, адресованные русской красавице Катерине, продолжали падать. И в один ненастный вечер, когда на душе было особенно муторно, Вера ответила на одно послание, следующим вечером – на другое, представившись подругой Катерины и объяснив ситуацию. Сделав оборот, письма вернулись с просьбой прислать фотографию. Ве-

ра испугалась, но в фотосалон пошла. Фотограф очень старался, вертел ее и так, и эдак, но получилось так себе, потому что никакой подсветкой не скроешь того, чего слишком много, и фотошопом не добавить того, чего вовсе нет. Словно с обрыва в реку, Вера вложила в конверты снимки, отослала... Ответом было молчание.

Как же она корила себя, как возненавидела мужчин, принимающих внутреннюю красоту лишь в сопровождении внешней. Самцы! Дикари!

Тогда-то у нее и возникла идея. Если вы – так, то и я – не иначе. У нее оставались фото Катерины, она выбрала на сайте знакомств в Интернете десятка полтора «жертв» и поставила переписку с ними «на поток». Ей писали, она отвечала, мало-помалу подменив искренность ремесленной заученностью. Потихоньку она создала целую картотеку, дабы не запутаться, кому и что писала.

Все было цинично и просто. К ее зарплате библиотекаря был совсем не лишним довесок, выражающийся в стоимости авиабилетов. Если, скажем, в Австралию и обратно, то сумма получалась изрядной. Европейскими адресатами Вера тоже не брезговала. Получив билеты, она реализовывала их, отказываясь от полета, после чего отправляла недоумевающему воздыхателю письмо, в котором родственница его суженой сообщала, что его избранница погибла в авткатастрофе, направляясь в аэропорт, чтобы вылететь к далекому избраннику. Вот и все. Никакого риска. Никаких претензий.

Вот и сегодня Вера намеревалась написать два-три письма, но тут позвонили из издательства с просьбой забрать рукопись, присланную больше года назад. Вообще-то подобной внимательностью издательства не отличались, отправляя ненужное в корзину – электронное кладбище файлов или ту, что под столом, если автор прислал распечатанный вариант своего творения. Вера поехала с радостью, уверенная, что почерпнет из ею же написанного и основательного забытого немало чувствительных оборотов и судьбоносных ходов.

На завтра у нее были иные планы. Завтра экзамен по вождению. Послезавтра она едет в автосалон покупать машину, не из самых дорогих, но иномарку. Через полгода денег должно хватить на небольшую квартиру, и она разъедется с матерью, которая становится совершенно невыносимой.

Вера взглянула на картотеку. С чего начнем? Пожалуй, с печального. Бедный Джереми! Какого ему будет узнать, что она вознеслась на небеса.

* * *

На шестнадцатом этаже небоскреба, украшающего центр Балтимора, Джереми Райли нажал на кнопку интеркома.

– Да? – миссис Драйвер отозвалась через вызывающе долгую минуту.

– Зайдите ко мне.

Спустя еще одну откровенно хамскую минуту секретарша появилась в дверях кабинета вице-президента крупней-

шей инвестиционной компании Балтимора. Высокая, подтянутая, американский эталон с безупречными зубами и высокой грудью. В ее обществе он всегда чувствовал себя неловко.

Джереми начал диктовать рекомендации службе маркетинга, умудряясь думать и о русской девушке, которая должна прилететь сегодня. Чем дальше, тем отчетливее он понимал, что совершил грандиозную ошибку. Как было хорошо, когда их отношения были дистанционными, сетевыми. Она изливала ему душу, он – ей, находя в том немалое отдохновение. Но потом стереотипы и несвойственное ему безрассудство заставили послать ей приглашение и билеты. И вот она прилетает. Роскошная блондинка с великолепными формами. Как он будет смотреться рядом с ней, жалкий близорукый уродец? Он солгал, отправив ей фотографию двоюродного брата, красавца, завсегдатая фитнес-клубов.

Джереми говорил себе: «Она такая чуткая, она все поймет и простит». И тут же спрашивал себя: «А если нет?» Вот если бы она была некрасивой, низкорослой, бесцветной. Пусть бы у нее была только душа... Пусть бы ее вовсе не было, этой девушки из России...

Вечером Джереми Райли напился. Разумеется, с горя. Но он снова был свободен.

Скамейка на выбор

Ее обманули легко и просто. Получается, мать была права, и от этого становилось еще обиднее.

– Я не понимаю. Убей – не понимаю! – горячилась она. – хороший человек, а ты нос воротишь. Посчитай свои годы, милая, ведь не первой молодости невеста. И в зеркало поглядишь – не красавица! Конечно, Антоша тоже не принц, зато характер у него золотой. Весь в Анну Павловну!

Галя мамину подругу Анну Павловну не любила. Так случается: человека на дух не переносишь, а за что – сам не поймешь. Инстинктивно, что ли? Иногда Гале казалось, что от Анны Павловны исходит какая-то угроза, но в следующее мгновение наваждение проходило. Нет, конечно же, Анна Павловна никого не хочет подавить, подмять, просто она... чересчур властная. Должно быть, оттого, что слишком долго проработала учительницей в старших классах. Без строгости – для их же пользы! – с выпускниками нельзя, им в институты поступать, в армию идти, короче, жизнь устраивать.

– Ну чем, чем он тебе не угодил? – допытывалась мать.

– Не нравится он мне, – устало проговорила Галя, не надеясь, что мать удовлетворится таким ответом.

Вероятно, безразличие, которым она дарила Антона, являлась следствием неприязни, которую она испытывала к его родительнице. В принципе, и Галя давала себе в этом отчет,

он был не хуже других. Во многом даже лучше. Внимательный, обязательный, сдержанный. Из таких мужчин – трезвых, незаметных, не суетливых, выходят отличные мужья. Веревки вить можно и лепить все, что твоей душеньке угодно. При наличии у тебя самой железной воли, естественно. Но в том-то и дело, что напором и целеустремленностью Галя похвастаться не могла. И не было у нее сомнений, что, поддайся она уговорам, выйди замуж за Антона, в их семье всем будет заправлять Анна Павловна. А появятся дети, она и внуков по своим меркам жить заставит.

– О детях подумай! – не отставала мать.

– Я думаю.

– Ой...

Мать схватилась за сердце, и Галя, вздохнув, отправилась за лекарством. В последнее время «приступы» на нее уже не действовали, и это злило мать, которая прежде всю пользовалась ими, когда хотела сломить упрямство дочери.

Вернувшись на кухню, Галя протянула матери абсолютно безвредную и совершенно бесполезную розовую капсулу и стакан воды. Мать выпила лекарство, пару минут посидела, прикрыв глаза, потом сказала:

– Так и останешься одна.

– Не останусь.

– Останешься... Все у тебя наперекосяк. На службе, и там постоять за себя не можешь. Все тобой помыкают, каждый обмануть норовит. А спутника жизни найти – это потруднее,

чем приличной зарплаты добиться.

На следующий день Галя отправилась к начальству. Шла и подстегивала себя, продолжая вчерашний разговор с матерью: «Значит, не смогу? Думаешь, не справлюсь? Считаешь, духа не хватит? Нет! Смогу! Справлюсь! Хватит!»

В приемной пришлось подождать. Совсем немного по «нормам» их фирмы – минут двадцать. Потом секретарша, последнее «приобретение» руководства, попросила ее войти. «Попросила» – громко сказано. Проще! Снизойшла.

– Ну?

Руководство даже не соизволило оторваться от лежащих на столе бумаг.

– Я работаю здесь больше трех лет... – начала Галя.

– Ну!

– Все, кто начинал вместе со мной, получили прибавку к зарплате.

– Ну!

– Я тоже хочу.

– Ну и хотите на здоровье, – начальник наконец-то посмотрел на нее. – Зарплата увеличена не будет. Нет у нас такой возможности. И не бледнейте! Не надо этого. Вот что, вам в отпуск надо. И не возражайте! И не благодарите. Отправляйтесь к моему заместителю, он подберет путевку по бартеру от компаньонов. Все! Свободны.

Галя сама не заметила, как вновь оказалась в приемной. Секретарь, царапавшая пальчиком с длиннющим ног-

тем клавиатуру компьютера, не удостоила ее взглядом.

И хорошо, что не удостоила! А то бы непременно отметила, что глаза у Гали на мокром месте. Ну зачем ей отпуск? Сейчас, ранней весной? Она хотела в августе к институтской подруге в Новгород съездить, а вместо этого...

– Есть путевка в Крым. Семьдесят процентов оплачено, тридцать – с вас. Забирайте. – Заместитель начальника бросил перед ней несколько листков и улыбнулся: – Завидую вам.

Издевался, конечно. Ведь прекрасно знал, куда отправляет бессловесную замарашку, в «беззвездный» пансионат у железной дороги в двадцати минутах ходьбы от моря.

Разумеется, матери она правды не открыла, наоборот, сказала небрежно, с напускной бодростью, что на службе ее поощрили путевкой. Вот, дескать, как ценят. Мать скептически поджала губы. Галя сделала вид, что не заметила гримасы, но на самом деле была уязвлена до глубины души, и без того истерзанной самобичеванием. Хотела – и не смогла!

Поезд был полупустым, что порадовало. Но порадовало только это. Проводница ее обхамила. Единственный сосед по купе не давал спать захлебывающимся пьяным храпом. Таксист по приезду заломил немислимую цену. В пансионате поселили в крошечный, не знавший ремонта номер с окнами во двор. Все не так! Все, как повелось...

Несколько дней Галя ходила, как пришибленная, кляня себя за безволие и вспоминая бесстрастное лицо хама-на-

чальника и ядовитую улыбку его заместителя. Однако через неделю стала оживать. Несмотря на то, что море было холодным и неприветливым, вид его успокаивал. Долгие прогулки стали в радость. Одиночество в комнатухе и за обеденным столом в только-только открывшем сезон пансионате гарантировало отсутствие дурацких вопросов. Настроение улучшалось, и она уже без особой скорби решалась заглянуть в завтрашний день. Надо верить в лучшее! И тогда это «лучшее» придет. Все изменится, не может не измениться!

И все изменилось. В одночасье. К худшему. Ее обманули так легко и безжалостно, что впору разреветься. Она и разревелась...

Сегодня, гуляя в парке, она выбрала незнакомые аллеи. Долго кружила по ним, пока не оказалась на «пяточке» – небольшой круглой площадке с клумбой посередине и двумя изящными, чугунного литья скамейками друг против друга.

Она села, пристроив на колени сумку. Полюбовалась первыми, еще совсем несмелыми нарциссами, выбирающимися из земли. Потом повернула голову, подставляя щеку такому же несмелому, неяркому, чуть греющему солнцу. Повернула – и поймала взгляд мужчины, сидевшего на другой скамейке. Мужчина смотрел на нее пристально, даже изучающе, будто она представляла из себя некую загадку, которую он тщился разгадать. Галя потупилась, а когда не выдержала и взглянула вновь, мужчина уже уходил по аллее...

И тут она увидела двух молодых ребят в испачканных

куртках и газетных «корабликах» на головах. Они продвигались в ее сторону, приводя в порядок лавочки, выстроившись вдоль дороги. Делали они это своеобразно: не красили сверху донизу, а лишь касались кистями в особенно неприглядных местах и преспокойно шествовали дальше.

Галя опустила глаза и увидела несколько капель краски на бетонных плитках, которыми был выложен «пяточок». Несколько мгновений она смотрела на них, потом, охнув, вскочила. Когда поднималась, почувствовала, как отлипает от скамейки ткань.

– О, Господи!

Галя изогнулась буквой «зю» и ужаснулась тому, что увидела: на ее светлой юбке красовалось безобразное черное пятно, даже два пятна.

– Глядеть надо, куда садитесь!

Она и не заметила, как парни оказались возле нее.

– Что же вы не написали, что окрашено? – со слезами в голосе воскликнула Галя. – Картонку бы какую-нибудь повесили.

– На все скамейки картонок не напасешься. Да мы и не красим, а так, подмазываем.

– Тем более!

– Вы это зря – зря разоряетесь. Нам краску только на «заплатки» выдают. За день нужно со всеми скамейками управиться. Тут уж не до предупреждений. Да и краска быстро сохнущая.

Галя коснулась пятна – палец нехотя окрасился зеленым.

– Мне от этого не легче.

– Да вы не расстраивайтесь так. Бензинчиком потереть, пока совсем не схватилось, и следа не останется. Я сейчас в каптерку слетаю, был у нас бензин.

Он повернулся и побежал, сопровождаемый благодарным взглядом Гали и насмешливым – напарника. Обернулся быстро – в пять минут.

– Хозяйничайте, – парень протянул бутылку, на доньшке которой бултыхалась светло-желтая жидкость. – Я и тряпку захватил.

Галя положила сумку на скамейку, взяла лоскут и попросила:

– Отвернитесь, пожалуйста.

– Нет проблем, – кивнул парень. – Мы вас прикроем.

Став плечом к плечу, они закрыли ее от посторонних взглядов, хотя могли бы и не беспокоиться – на «пяточке», кроме них, никого не было.

Галя растегнула молнию и сдвинула юбку так, чтобы удобнее было бороться с пятном. Намочила тряпку бензином, наклонилась и осторожно прикоснулась к краске. Смотри-ка, получается... Несколько минут она трудилась и добилась того, что пятно сначала утратило очертания и побледнело, а потом почти совсем исчезло.

– Все, что ли? – спросил парень, бегавший за бензином.

– Да, спасибо вам, – сказала Галя, протягивая бутылку. –

А то я совсем растерялась.

– Вы, девушка, успокойтесь. Посидите... да не на этой, вон на той скамейке, мы ею после обеда займемся. Ну, счастливо вам.

– И вам.

Парни подхватили банки, кисти и направились к выходу из парка. Через несколько секунд их заслонили ветви какого-то вечнозеленого растения.

Галя взяла сумку, обогнула клумбу и, на всякий случай осмотрев скамейку, села. Солнце припекало все сильнее, и она почувствовала, как на лбу выступили капельки пота. Надо привести себя в порядок, а то после этих трудов она, наверное, как чувырла чумазая. Галя сунула руку в сумку и... Косметички в сумке не было. Не было и кошелька. Не было и обложки от старой записной книжки, в которой она хранила билет до Москвы и паспорт. Только связка ключей от дома и носовой платок. Чтобы сопли подтереть!

Галя разрыдалась. Зачем они так? Ответ на этот вопрос у нее, конечно, был. Да и вообще все было ясно: и с подкраской лавочек, и с бензином, и с готовностью оградить ее от любопытных взоров. Пока она чистила юбку, парни очищали ее сумку. Права была мать, ее каждый обмануть может. И обидеть...

Платок намок от слез. Галя скомкала его и услышала:

– Послушайте, дамочка, вы бы определились со скамейкой, а то понапрасну людей с толку сбиваете.

Перед ней стоял мужчина, тот самый, что полчаса, а может, и час назад таращился на нее.

– Я вам не дамочка! – вспыхнула Галя. – И не приставайте ко мне!

– То есть как это? – удивился мужчина. – Зачем же вы тут сидите?

На это у Гали не нашлось, что сказать. Чушь какая-то! Сидит, никому не мешает. И... и всем мешает.

– Понятно, – сказал мужчина. – Вы читать не умеете. Потому что, если бы умели, не смотрели на меня, как на полоумного. Вот же, смотрите, русским языком написано.

Галя повернулась. Чугунная спинка представляла собой сплетение округлых букв, которые складывались в слова: «Скамейка влюбленных». Она посмотрела на ту скамейку, что находилась на другой стороне площадки. Там спинка тоже была «сплетена» из букв, только позаимствованных из «готического» шрифта. И всего одно слово: «Ссора».

– Прочитали? – спросил мужчина. – Эти скамейки – местная достопримечательность. Их недавно установили, специально к туристическому сезону. Я присяду... с вашего позволения? – Не дожидаясь его, он устроился рядом. – Кто поспорился и ищет примирения, тот садится вон на ту скамейку. Я, признаться, подумал, вы там мужа дожидаетесь или жениха. Потому и ушел. Только не похоже было, что вы чем-то расстроены, поэтому вернулся. Гляжу, а вы на эту скамейку перебрались.

Галя чуть отодвинулась и сказала язвительно, удивляясь своей смелости:

– Можете не продолжать! Эту скамейку выбирают те, кто хочет познакомиться. Так?

– Да.

– Так вот имейте в виду: я здесь оказалась случайно, на скамейку села ненароком и никому предлагать себя и в мыслях не держала.

– Ну, зачем вы так? Мало ли у нас одиноких людей! Знаете, чего боятся большинство из них? Оказаться в неловкой ситуации. Вот я, к примеру, не имею ни жены, ни детей, и в городе этом сравнительно недавно, не успел еще друзьями и знакомыми обзавестись. Подойти к симпатичной женщине на улице как-то неловко, а заговорить – слова наверняка будут истолкованы превратно. С другой стороны, мне не нравятся девушки, легко откликающиеся на уличные знакомства. Замкнутый круг! А тут в местной газете заметка про эти скамейки. Дай, думаю, схожу. Чем черт не шутит, пока бог спит? Если приглянется кто, попытаюсь познакомиться.

– Значит, я вам приглянулась?

– Очень, – кивнул мужчина и неожиданно спросил другим тоном: – Почему вы плакали? Что произошло? Когда уходил – улыбались, как кошка на подоконнике; когда вернулся – все лицо от слез красное.

– Очень красное?

– Не очень. И не все. Так что случилось?

Галя подумала-подумала и рассказала все, как было. Сначала говорила, смущаясь и пряча глаза, но затем, накаляясь, зачастила и повысила голос.

– Хорошие дела... – протянул ее собеседник, когда она закончила. – Шучу. На самом деле положение критическое, хотя не безнадежное, несмотря на то, что обращаться в полицию бессмысленно. Ребят этих они, может, и найдут, но когда – неизвестно. Вас это не устраивает.

– Не устраивает, – согласилась Галя.

– Сколько у вас еще «путевочных» дней?

– Шесть.

– Превосходно. Значит, крыша над головой у вас есть. И что поесть – тоже есть. Извините за дешевый каламбур. Как бы то ни было, времени достаточно, чтобы позвонить домой и попросить прислать перевод.

– Я не хочу звонить. Мне придется все рассказать маме. Не хочу!

Это было, если не первое, то второе, о чем Галя подумала после того, как ее ограбили. И от чего немедленно отказалась. Деньги мать вышлет, но потом загрызет: мол, подобное только с тобой могло произойти!

– Значит, мужа у вас нет, – продемонстрировал сообразительность собеседник. – С подругами, судя по всему, тоже не густо. Тогда ничего не остается, как вернуть содержимое в сумочку, после чего все пойдет своим чередом. Но в этом

случае вам придется довериться мне.

– Вам?

– Мне. Встречаемся завтра. Здесь и в это же время. Ну, я пошел.

Мужчина встал и ушел. А Галя осталась и еще долго сидела на «Скамейке влюбленных», а потом уступила ее парочке, впорхнувшей на «пяточок».

За ужином кусок не лез ей в рот. Телевизор тоже не смог отвлечь от невеселых мыслей. Она решила пораньше лечь спать, но долго ворочалась, гадая, что принесет ей завтрашний день.

В парк Галя пришла задолго до условленного срока. Пока шла, все крутила головой, ожидая увидеть или парней с краской, выискивающих очередного «клиента», или давешнего мужчину, променявшего поиски дамы сердца на ее заботы. Неужели они еще есть, рыцари? Решительные, готовые пожертвовать временем и нервами ради попавшей в беду женщины? Но ведь жертвуют ради того, кто достоин жертвы. А он ничего, ровным счетом ничего о ней не знает! Знал бы, какая она к этой жизни не приспособленная, какая размазня, задерганная матерью, затурканная начальством, может, и не стал бы рваться в бой.

Ни «рыцаря», ни парней в «корабликах» она не заметила. Скамейки на площадке были заняты: на одной сидели отвернувшиеся друг от друга мужчина и женщина; другую облепила веселая компания.

Галя не стала выходить из аллеи на «пяточок», а опустилась на лавочку – так, чтобы видеть все, что происходит на площадке. Пятна свежей краски на лавочке успели за ночь высохнуть.

Прошел час. Прошел другой. Давно миновало назначенное время встречи. «Он не придет, – подумала Галя. – Зачем ему приходиться?»

– Здравствуйте!

Под глазом мужчины расплылся синяк. На скуле запеклась ссадина.

– Что с вами? – испугалась Галя.

– А что со мной? Ах, вы об этом... – «Рыцарь» дотронулся до ссадины. – Ничего страшного. Шрамы украшают мужчин, а от этого безобразия даже шрама не останется.

– Это они?

– Они самые. Пока нашел, пока объяснил, что с женщинами так, как они, поступать грешно, время и вышло. Простите великодушно за опоздание.

– Да-да, конечно, – заторопилась Галя. – Вы садитесь.

Мужчина сел и стал опустошать карманы своей куртки.

– Вот ваша косметичка. Вот паспорт. Вот билет. Обычно все это тут же выбрасывается, чтобы, значит, не было улики, но эти поганцы, на ваше счастье, оказались жадными. А вот и кошелек. С ним заковыка. Вы же не сказали, сколько денег было, а я так рассудил, что они наверняка что-то успели растратить, поэтому забрал все, что у них было.

Галя открыла кошелек. Он был набит купюрами.

– Тут больше.

– Не страшно. Это компенсация за моральный ущерб.

– Зачем вы это сделали? – спросила Галя после паузы.

Мужчина пожал плечами:

– Если скажу, что к этому меня позвал долг джентльмена

– совру. А врать я не хочу. Так что буду честен: потому что вы мне понравились. Я вам это и вчера говорил...

Галя поежилась. Мужчина заметил это, поднялся и протянул руку:

– Пойдемте на солнышко.

– Там все занято.

– Уже нет.

Они вышли на «пяточок».

– Скажите, вас Антон зовут? – спросила Галя.

– С чего вы взяли? Алексей.

– Это хорошо, – сказала Галя и уже не медлила, когда Алексей повел ее к скамейке – той, что с округлыми буквами.

Два свидетеля

Свадьба, как водится, шумела. А также пела, плясала и гуляла. Не дошло бы до драки! Это подчас тоже считается традицией.

Ольга обвела глазами стол, заставленный тарелками, блюдами, которые уже громоздились друг на друга, и, разумеется, бутылками. Не многовато ли водки? Затем скользнула взглядом по распаренным в духоте крохотного зальчика гостям. Втянула носом воздух. Пахло духами Нинки (кажется, «Фиджи»), перченым мясом и потом. Ее замутило. Она опустила голову, судорожно вздохнула, прогоняя тошноту.

– Ты как? В порядке?

Рука, опустившаяся на ее плечо, была тяжелой.

– В порядке.

Склонившиеся над тарелками жених и невеста, вернее, уже муж и жена, дружно выпрямились и стали подниматься, послушные истошному крику: «Горько». Андрей, сидевший, как и положено, справа от молодого супруга, убрал руку. Там, где она лежала, ткань блузки прилипла к коже. Ольга дернула плечом.

– Горько! Горько! Один, два, три...

Досчитали до четырнадцати. Собравшиеся одобрительно зашумели. Пустые рюмки опустились на стол. Что-то звякнуло, что-то разбилось.

– Поосторожнее! – взвизгнули слева. – Вы мне все платье зальете.

– Ах, какие мы нежные, – откликнулся сиплый басок.

– Да, нежные! – тут же встрял баритон, как корсетом, утянутый стальными нотками раздражения.

«Не дошло бы до драки», – снова подумала Ольга. По счастью, вниманием свадьбы вновь завладела тамада, полная женщина с отечным лицом, которая упорно терзала празднующих всякими глупостями, вроде риса на голову и каравая в зубы. В руках тамады была коленкоровая папка, из которой она извлекала листы, чтобы прочесть очередной наказ молодым, или, в соответствии с утвержденным сценарием, призвать гостей к участию в новом действе, якобы тоже освященном временем. Сначала это было даже любопытно, но постепенно Ольга, да и не только она, стала испытывать к тамаде чувство, которое из почти невинного неудовольствия стремительно перерастало в стойкую ненависть. Однако сейчас Ольга была благодарна одышливой даме с зычным голосом и папкой наперевес. Только ссоры и рукоприкладства не хватает! Для полного счастья.

– Добрый молодец и красна девица... – нараспев читала тамада и по тому, как она экономила дыхание, читать собиралась еще долго.

Воспользовавшись паузой, новоявленные муж и жена опять уткнулись в тарелки. А что, тоже люди, тоже есть хотят. Не все же целоваться.

Андрей взглянул поверх их черно-белых плеч и подмигнул. Ольга вымученно улыбнулась и подмигнула в ответ. На чужой свадьбе надо играть по чужим правилам. Она – свидетель со стороны невесты, и на ближайшие три дня над собой не властна. Иначе зачем соглашалась?

Нинка позвонила неделю назад. Ольга схватила трубку – и чуть не бросила ее. Она ждала другого звонка. Вадим ушел и не обещал вернуться, и все-таки она надеялась, верила. Это было бессмысленно и бесполезно, но она все равно надеялась и все равно верила.

Они были знакомы чертову уйму лет – со школы; тесно – четыре года. Именно столько (плюс два дня) продолжался их роман. Впрочем, романом это назвать было трудно. Вадим звонил и приходил, когда хотел. Но приходил! Иногда раз в неделю, иногда реже. Ольга кормила его, стелила постель, ложилась. Вадим наваливался на нее, исполнял – спешно и явно без особой охоты – свои мужские обязанности, после чего падал ничком, зарывшись лицом в подушку, и засыпал. А Ольга... Она долго лежала без сна.

Они почти не говорили друг с другом. Вадима нимало не интересовали ее слова, свои же он цедил в час по чайной ложке. Он был замкнут на себя, свои проблемы и слишком самоуверен, чтобы приоткрывать завесу. Поначалу Ольга пыталась достучаться до него, но увидев и поняв, что попытки эти его только раздражают, отступилась.

Она смотрела на любовника, посапывающего, с ниточкой

слюны, протянувшейся от губ к подушке, и думала: «Зачем ты мне нужен?». Ответ она знала, но противилась ему. Стыдно признаваться даже себе самой, что не любовь – Господи, да что это такое! – а тело, жадное тело молодой женщины толкает ее к Вадиму. Было в этом что-то грязное, липкое, от чего не спасали ни душ, ни уговоры, что все так делают, и потому нечего казнить, чепуха все это, бредни.

Утром Вадим отправлялся в ванную и долго плескался там. Потом врывался на кухню, в минуту расправлялся с «дежурной» яичницей, мимолетно чмокал Ольгу в щеку и уходил. А она... Постояв перед закрытой дверью, она шла в ванную и начинала собирать тряпкой воду с пола. В углу, под раковиной, в луже, валялось скомканное полотенце. Была у Вадима такая «гостиничная» привычка – швырять его на пол. Только в отелях за сервис он платил наличными, здесь же оказывал услуги иного характера, требуя за них вознаграждения в виде хрустящих простыней, свежего полотенца, ужина с вином, яичницы утром и отсутствия ненужных вопросов. Ольга подбирала полотенце, засовывала его в стиральную машину вместе с постельным бельем и залезала под душ. Не душу, так тело отмыть...

Иногда она страстно желала, чтобы Вадим исчез. Вот так, взял и исчез из ее жизни. О том, что последует далее, что и кто заполнит вакуум, она в этот момент не думала. А когда задумывалась, ей становилось страшно.

И вот он исчез. Прошла неделя, другая, месяц, второй –

молчание и пустота. Ольга знала, что он жив-здоров, работает, суетится: в их маленьком городке, приткнувшимся к Московской кольцевой дороге, все на виду. И женщины у него вроде бы не появилось. Что же тогда? Устал? Надоело? Надоела?! Может быть. И все же, когда в тишине квартиры раздавалась трель телефона, Ольга хватала трубку, надеясь, что это он, Вадим.

А позвонила Нина...

Подругами они не были. С Нинкой они учились в институте. Правда, на разных факультетах, но ездили вместе – встречались на остановке, потом тряслись в автобусе, вместе задыхались в метро. Ну, разговаривали, естественно. Ольга не сомневалась, окажись она с Нинкой в одной группе, никаких отношений между ними не сложилось бы. Нинка не терпела соперниц, к каковым относилась всех представительниц своего пола, невзирая на возраст (в пределах разумного) и внешние данные (или отсутствие таковых). Ольга же была на обочине жизни Нинки, грядущему ее благополучию ничем не мешала, а значит – не представляла никакой опасности.

Распределение по окончании к тому времени, как они закончили институт, уже отменили, поэтому выпускники устраивались кто как мог. Ольга осталась в своем городе: помогло обещание коллег матери по работе – когда мать умирала, они пообещали позаботиться о ее дочери. А Нинка, вдрызг разругавшись с родными, отправилась в военный городок под Волоколамском: во-первых, ей посулили комнату,

во-вторых, там она хотела разжиться супругом из молодых офицеров. Конечно, быть женой офицера сегодня – это не то, что прежде, но муж, пусть какой-никакой, а все же нужен. Ведь что главное? Главное – не быть замужем, а побывать за ним. Это придает женщине необходимую уверенность: выбрали раз – выберут и другой. Мужики, в своем большинстве, не любят быть первыми, они предпочитают ходить протоптаннами дорожками.

– Слушай, я замуж выхожу.

– Поздравляю.

– Спасибо. Учти, ты – свидетель.

– Я?

– А кто еще? Ты мне подруга или как?

Ольга растерялась. Ответить честно и не обидеть было невозможно. А что делать? Она набрала побольше воздуха, чтобы отказаться, но вдруг остановила себя. А почему, собственно, нет? Обвела взглядом квартиру – нигде не пылинки, чисто, аж противно, и сказала:

– Когда и где?

– Вот это другое дело! – засмеялась Нинка. – Записывай.

В субботу, точно в назначенное время, Ольга была на КПП военного городка. Чувствовала она себя неважно. Чтобы попасть в эту тмутаракань, пришлось встать затемно и добираться до электрички на первом автобусе. А в поезде – дачники, а на нужной остановке – хамоватые «частники», которые подряжались везти в городок только за деньги, рав-

ные десятой части ее зарплаты. Пришлось согласиться.

Ее встречали.

– Вы – Ольга?

Она кивнула.

– А я – Андрей. Свидетель со стороны жениха. Ваш товарищ по несчастью.

– Почему «по несчастью»? – спросила она.

– Да смешно это все, – сказал парень с капитанскими звездочками на погонах и дернул плечом. – Ленты, бубенчики, пупсы на капотах.

– Пупсы тоже будут?

– А как же без них? Всенепременно.

Ольга поморщилась, но тут же взяла себя в руки:

– Ну, надо так надо.

– Как в рекламе, – засмеялся парень.

– В какой рекламе?

– В телевизионной.

– Я телевизор не смотрю, – отчего-то покраснела Ольга.

– Чем же вы вечерами занимаетесь? Мужа обихаживаете?

– Я не замужем, – Ольга смутилась окончательно: в две минуты этот смешливый парень узнал о ней если не все, то слишком многое.

– Это дело наживное!

Парень решительно взял ее под руку и увлек за собой. Получив у дежурного по КПП пропуск, они миновали проходную и пошли по испещренной выбоинами дорожке.

– До регистрации два часа, – тараторил Андрей. – Сейчас я отведу вас к себе домой, там вы приведете себя в порядок, а после этого отправимся к молодым. Полчаса вам хватит?

– Хватит.

– Вот и хорошо.

Жил Андрей в облезлой «хрущобе», на третьем этаже. В квартире царил образцовый холостяцкий порядок.

– Распоряжайтесь, – он вручил Ольге большое махровое полотенце.

Ольга отправилась в ванную. Машинально посмотрела под ноги – пол был сухой. В стаканчике у зеркала стояла одинокая зубная щетка.

Хватило четверти часа. Когда Ольга вошла в комнату, Андрей присвистнул:

– Перемены разительные.

Ольга хотела обидеться, но вдруг поняла, что не может: ей было приятно. Она надела привезенное с собой платье, отправив в сумку джинсы и блузку, уложила волосы и, придирчиво осмотрев себя в зеркале, пришла к выводу, что достойна высокой миссии, которую нежданного-негаданно возложила на нее Нинка.

– А вы настоящий денди.

Андрей приосанился:

– Люблю пиджаки. И брюки нормальные люблю. Жаль, нечасто приходится одевать, все форма, форма.

– Вам идет. Очень.

– Благодарю. Однако нам пора.

Десять минут спустя Ольга и Андрей уже получали от Нинки ценные указания, что, как и в какой последовательности им следует делать. Жених отмалчивался, восторженно глядя на свою будущую супругу.

– А теперь – вперед! – скомандовала Нинка. – Милый, ко мне!

Потом были ЗАГС в Волоколамске и суеющийся фотограф, памятник героям войны и цветы у Вечного Огня, перенос молодой жены на руках через мост и легкий фуршет перед возвращением в городок.

Какими бы запасами прочности ни обладала Нинка, а под вечер и она выбилась из сил. Тут-то и пригодилась тамада с ее папочкой и надрывным: «Горько».

– Раз, два, три... У-у-у...

– Безобразие! – выразила общее неудовольствие тамада после того, как молодые оторвались друг от друга на цифре «8». – Надо показать пример! А кто это сделает лучше, чем свидетели? Ну-ка, продемонстрируйте, как это делается.

Андрей стал подниматься, а Ольга осталась на месте – ноги не слушались. Этого она не ожидала.

– Смелее! Смелее! – покрикивала тамада.

Андрей отодвинул стул, обошел молодых супругов. По губам его Ольга прочитала: «Надо». Она сама не поняла, как это произошло, но она поднялась.

– Ты уж потерпи, – чуть слышно прошептал Андрей и при-

тянул ее к себе.

Губы ее коснулись его губ – горячих, сухих. Ольга тут же попыталась отстраниться, но Андрей не отпустил ее.

– Три, четыре, пять...

У нее закружилась голова. Это было странно, дико. На глазах у незнакомых и не слишком трезвых людей она целовалась с совершенно посторонним человеком, и ей не хотелось, чтобы этот поцелуй кончался. С Вадимом было совсем не так.

– Восемь, девять, десять...

Волна нежности подхватила Ольгу. Это было ненормально, неприлично, противоестественно.

– Четырнадцать, пятнадцать, шестнадцать...

Руки Андрея были теплыми.

– Двадцать, двадцать один, двадцать два...

Ей показалось, что она сейчас умрет. Не от недостатка воздуха – от счастья.

– Двадцать пять!

Они оторвались друг от друга. Зал бушевал. Сквозь крики тщетно пытался пробиться голос тамады.

Андрей смотрел на нее, она смотрела на него. Ее рука лежала в его ладони.

– Ай, молодцы!

Народ выпил, а тамада, воспользовавшись паузой, произнесла то, что наверняка не было предусмотрено сценарием, а потому прозвучало свежо и искренне:

– Так и до свадьбы недалеко, с такими-то рекордами.

Ольга смотрела на Андрея и улыбалась, он смотрел на нее и молчал. Они разговаривали, им надо было успеть сказать друг другу очень много.

Андрей улыбнулся в ответ, повернулся, не выпуская ее руки, и возвестил.

– Свадьба будет! Мы согласны.

Ольга улыбнулась и... споткнулась о взгляд Нинки, в котором было пополам зависти и удивления. Ольга отвела глаза. Вот еще, обращать внимание на пустяки! Тем более сегодня, в самый счастливый день ее жизни.

Жених напрокат

У Татьяны Морозовой было все: деньги, квартира в Москве, своя фирма и самые радужные перспективы. «Укомплектована», – уважительно говорили партнеры по бизнесу. И ошибались.

Морозовой не хватало мужа. У нее даже не было жениха. Поэтому, когда потребовалось, Татьяна обвела взором орлицы ближайшее окружение и без лишних церемоний сделала Виктору Толмачеву предложение, от которого тот не смог отказаться. Хотел, но не смог.

То, что первым порывом было решительное «нет», Татьяна поняла по его глазам. Сначала они округлились от недоверия, потом заледенели, а потом будто укрылись за полупрозрачной пленкой, как бывает у пресмыкающихся. Зрачок виден, выражение – не разобрать.

– Хорошо, – сказал Толмачев. – Я согласен. Когда надо ехать?

– Завтра. Надеюсь, вы понимаете, что распространяться о цели и обстоятельствах нашей поездки не рекомендуется?

– Безусловно. Я сознаю тонкость ситуации и ценю ваше доверие, Татьяна Сергеевна. Однако...

– Что? – Морозова повела бровью.

– Мне будет непросто вести себя естественно без знания некоторых деталей.

– Инструкции получите в поезде! Отъезд отсюда, из фирмы, в 17.10.

Татьяна повернулась, сделала шаг, остановилась.

– И оденьтесь поприличнее! Если чего в гардеробе недостает, можете потратиться. Я возьму. До свидания.

– До свидания, – пробормотал, оставаясь позади, «женых».

И так он это покорно сказал, что Татьяна едва не выругалась, что в общем было ей не свойственно. Пресмыкающееся!

«А что ты хотела, голубушка? – спросила она себя. – Ведь знала, что так и будет. Иначе не предложила бы эту роль. Или надеялась, что он пошлет тебя куда подальше – вежливо или напрямую, а заодно и работу, за которую ты ему платишь и платишь немало?»

Морозова поискала ответ и, не желая лукавить сама с собой, ответила честно: «Надеялась».

Видимо, подспудно она хотела, чтобы план ее развалился еще на начальной стадии. Потому и выбрала Толмачева, к которому испытывала что-то вроде приязни, внешне, впрочем, никак не проявлявшейся.

Высокий, поджарый, не мальчик, ко всему прочему дизайнер каких поискать. И симпатичный. Для тех, конечно, кто на дух не переносит слащавость, свойственную нынче мужскому племени. Как они себя холят, лелеют, маникюрят... Смотреть противно! Этот же – в неизменных джинсах и сви-

тере – этот ничего, не совсем пропащий. Так ей казалось.

Он должен был отказаться! И тем завоевать нечто гораздо большее – ее уважение. Разумеется, она бы его уволила. Ни один настоящий руководитель не потерпит, чтобы ему перечили, но уволила бы с сожалением и, возможно, втихую помогла бы найти достойную работу взамен утерянной. А Толмачев возьми и струсь!

Это означает, что в Вотчинино она отправится не одна. На радость маме.

– Билеты привезли?

Секретарь вскочила.

– Да, Татьяна Сергеевна.

В кабинете Морозова полистала ежедневник и нажала клавишу интеркома. Заместитель отозвался тут же.

– Завтра я уезжаю, – сказала Татьяна, не тратя время на приветствие. – Вечером. Но с утра меня тоже не будет. Так что совещание проведете без меня. В понедельник предварительные наработки по «Карусели» должны быть на моем столе. Все.

Она отпустила клавишу и нажала соседнюю..

– Машину к подъезду.

Минуту спустя Морозова выходила из здания, шестой этаж которого занимала ее рекламная фирма. Черная «вольво», блестя лаковыми боками, уже ждала ее. Шофер предупредительно открыл дверь.

– Домой!

Подарки были куплены заранее, поэтому в магазины заезжать не пришлось. А самый лучший подарок для матери, усмехнулась Татьяна, прибудет на своих двоих.

– Утром как обычно, Татьяна Сергеевна? – уточнил водитель.

Она кивнула и направилась к подъезду. В квартире достала кофр и стала набивать его вещами. Много времени это не заняло.

Татьяна плеснула себе коньяку и плюхнулась в кресло перед телевизором. Но включать его не стала, остановившись глазами на фотографии матери, стоявшей на кофейном столике.

– Ты будешь довольна, мама, – сказала вслух. – Только посмей быть недовольна!

Мать Татьяна любила. Как никого на свете. Вообще-то, любовь к матери и не принято ни с чем сравнивать, но что касается Морозовой, это можно было понимать буквально, потому что больше Татьяна не любила никого. Даже себя.

Когда отправлялась покорять Москву, поклялась:

– Все сделаю, чтобы ей было хорошо!

Институт она закончила с отличием, всецело отдаваясь учебе, а не студентам с московской пропиской, как некоторые сокурсницы. Но, в отличие от большинства из них, осталась в столице. Еще на третьем курсе она сумела установить контакты с парочкой фирм, только-только дебютировавшими на рождающемся в муках рекламном рынке. Морозову

приметили, кое-какие ее проекты были реализованы, и когда дело дошло до диплома, Татьяна точно знала, что у нее есть, куда пойти. Она не спешила, не требовала немислимых денег, квартиры, машины и турпоездки за счет конторы. Она снимала комнату и работала от зари до зари. Через три года Татьяна создала собственную фирму, подписала ряд контрактов, прибыль вложила в расширение дела... Став образцово-показательной бизнес-вумен, она никогда не впутывалась в авантюры, упорно создавая свое безоблачное будущее. К настоящему моменту у нее было все, что другие посчитали бы достаточным для счастья. Не хватало лишь мужа.

– Будь здорова, – пожелала себе Татьяна и выпила коньяк.

С мужчинами у нее никогда не ладилось. В школе одноклассники – хотя какие они мужчины? птенцы желторотые! – предпочитали ей девчонок побойчее. В институте тоже никто не обращал внимания на дурочку из провинции, которая вместо того, чтобы вкушать радости жизни, дни и ночи проводила за учебниками. Лишь окунувшись в мир рекламного бизнеса, да и то не сразу, она почувствовала, что это такое – мужское внимание. И желание, которое распознать так же просто, как ложь в представительском буклете.

Куда только подевалась вчерашняя недотрога! Татьяна меняла мужчин, жадно насыщаясь тем, чем до поры себя обделяла. Несколько раз думала о замужестве, но вовремя останавливалась.

Матери о своих амурах она не рассказывала, и та, съежи-

ваясь от времени, с каждым годом все чаще причитала:

– Ох, чует мое сердце, не увидеть мне внуков.

И похоже, напричитала мать, накликала. В какой-то момент Татьяна поняла, что уже несколько месяцев смотрит на мужчин исключительно как на рабсилу, которая не досажда-ет хозяйке фирмы декретными отпусками и бюллетенями по уходу за детьми. Морозова оглянулась назад, положила под микроскоп свою жизнь и поняла, что виной тому ее послед-ние избранники. Один – лентяй и бездарь, другой – сноб и слабак, третий просто сволочь.

– Да, сволочь, а ты на себя посмотри! – бросил он ей, ко-гда она выставляла его за порог. – Железная леди! Приказ налево, приказ направо. Не человек – компьютер. Все про-считано на десять ходов вперед. А мне нужно, чтобы баба меня любила без оглядки!

– Тебя любят, – сквозь зубы сказала она. – За мои деньги.

– С паршивой овцы хоть шерсти клок.

– Вон!

И она осталась одна. На много лет.

– Ты одна приедешь али как? – с надеждой спросила мать.

Татьяна позвонила ей неделю назад, чтобы окончательно утрясти список вещей, которые предстояло привезти из сто-лицы. Переехать к дочери мать отказывалась категорически. Родилась в Вотчинино – здесь и умрет.

Дочь хотела сказать: «Одна» – и не сказала.

Накануне позвонила соседка матери, с которой у Татьяны

был уговор: «Тетя Лиза, мама правды не скажет – ни как себя чувствует, ни надо ли чего. Бережет меня! Так вы мне звоните, хорошо?» Соседка пользовалась межгородом исправно – раз в три дня, но говорила коротко, не желая вводить Татьяну в лишний расход, хотя та предупреждала, что это для нее не проблема. «Все нормально», – и гудки.

В этот раз соседка была разговорчивей:

– Не нравится она мне что-то. Сдаёт день ото дня. Все о тебе печалится. Что жизнь не сложилась.

– У меня все в порядке! Хоть вы ей объясните.

– Да я уж и так... А она про мужика твердит, мол, негоже без мужика-то. Как же без опоры? И ты ее не кори. Ее понять можно. Муж умер, когда ты еще в пеленках лежала. Настродалась без подмоги, навкалывалась, теперь за тебя беспокоится, чтобы, значит, дочке той же дорогой не пройти. Иссохла вся. Как бы чего плохого не вышло.

Вот какой состоялся разговор и вот почему Татьяна замешкалась с ответом, когда мать задала свой дежурный вопрос.

– Посмотрим, – наконец проговорила она.

– Да неужто?.. – обрадовалась мать.

– Я пока не знаю, не уверена... – Татьяна перевела разговор на другое. – Что тебе еще привезти?

– Ты за меня не беспокойся. Живу хорошо, все у меня есть. Вы, главное, приезжайте. Порадуйте старуху.

– Какая же ты старуха? – заставила себя рассмеяться Та-

тьяна. – Ты у меня о-го-го! Глядишь, еще замуж выйдешь.

– После тебя, дочка, после тебя, – засмеялась и мать.

«Ну вот, брякнула не подумав», – нахмурилась Морозова и стала прощаться:

– Ладно, пока. Я позвоню перед отъездом. Целую.

Тем вечером ей и пришло на ум, что в конце концов жениха можно взять напрокат. А что такого? Прокловой и Купченко в кино можно, а ей нельзя? Конечно, такого милягу, как Миронов, или красавца типа Янковского ей не сыскать, но ведь и счастливый конец ей не нужен. Не верит она в них. Чтобы все хорошо заканчивалось – так наяву не бывает, только на экране, да и там в последнее время все реже. Действительность не располагает.

Идея представлялась продуктивной, и все же несколько дней Морозова крутила ее и так, и эдак. Серьезных изъянов не находила, единственным же узким местом была опасность, что «жених» мог невзначай проболтаться – и в Вотчино, и после возвращения – об истинном положении вещей. Значит... Значит, он должен быть зависим от нее настолько, чтобы ни при каких обстоятельствах не терял головы. Следовательно, кандидата предстояло найти среди подчиненных. Деньги – надежные веревки и лучшая из приманок.

– Слизняк! – громко сказала она, подумав о Толмачеве, и включила-таки телевизор.

Коньяк туманил голову. Так и не разобравшись в хитро-сплетениях сюжета какого-то полицейского сериала, она за-

снула.

Утро следующего дня да и сам день выдались суматошными. Банк, переговоры на RenTV, опять банк... В своем офисе Морозова появилась в половине пятого. Времени в запасе было достаточно, и все же она нервничала.

– Толмачева ко мне, – распорядилась, проходя мимо секретарши.

Пока суть да дело, Татьяна позвонила матери.

– Да, выезжаю... Не одна... Ты не торопись радоваться, может, он тебе не понравится. Что? Мама, я тебя прошу, не надо плакать. Даже от радости.

Положив трубку, Морозова взглянула на часы. Не торопится что-то ее «жених»! Ну да время есть.

Пискнул динамик.

– Толмачев в приемной, – доложила секретарша.

– Пусть войдет.

Татьяна отвернулась к окну. За окном шел снег. За спиной ласково чмокнула дверь кабинета.

– Здравствуйте, Татьяна Сергеевна.

Она повернула голову и задохнулась от возмущения. Потом выпалила:

– Я же сказала, чтобы вы оделись прилично.

Толмачев был все в тех же джинсах и свитере.

– Я подумал, – сказал «жених», – так будет демократичнее. Простая одежда располагает к общению.

– Меня не интересует, что вы подумали. За вас думаю я!

Лицо Толмачева осталось непроницаемым.

– Тогда я пошел. Вояж отменяется.

– Стоять!

Толмачев отпустил ручку двери.

– Вы всегда такой строптивый? Вчера вы были сговорчивее.

– Так то вчера.

– А что, собственно, изменилось?

– Что? Да, собственно, многое. Опомнился.

– Вы надо мной издеваетесь или мне почудилось?

– Почудилось. Чтобы я осмелился...

– Все-таки издеваетесь, – кивнула Морозова.

Толмачев сделал шаг, качнулся с носков на пятки, сказал серьезно:

– Прежде всего давайте договоримся...

– Мы обо всем договорились!

– Давайте договоримся, – спокойно продолжил Толмачев, – чтобы в ближайшие дни не было никаких «стоять», «сидеть» и тем более «лежать». Будьте ласковы и предупредительны, как полагается влюбленной. Я со своей стороны обязуюсь отвечать тем же. Это – первое. Далее: с этой минуты вы обращаетесь ко мне на «ты» и по имени. Хотите – Виктор, можно Витя или Витюша, я не возражаю. Это – второе.

Морозова была готова тут же, на месте, задушить нахала собственными руками.

– Вы не боитесь... – начала она, но теперь уже Толмачев

не дал ей договорить:

– Очутиться на улице? Знаете, не боюсь. Питаю серьезные подозрения, что дизайнер моей квалификации будет обраться там не очень долго.

– Я вас так ославлю, что ни одна уважающая себя фирма...

– Не обольщайтесь, – усмехнулся «жених». – Вы не все-сильны! Ой, что это я? Вот же сила инерции! Назвал любимую девушку на «вы». Прости, ради бога.

С ней давно так никто не говорил – легко, без трепета, подобострастия и околичностей. В детстве – да, в детстве такого обхождения хватало. Бедно одетая дочка учительницы вызывала жалость. Иногда снисхождение проскальзывало в словах институтских девчонок, но от их опеки гордячка из провинции отказывалась так решительно, что те лишь оскорбленно фыркали. Что касается первых «рекламных» лет, тут Татьяна сразу дала понять, что в покровительственном отношении не нуждается, сама себе голова! А ее любовнички... Она их держала мертвой хваткой. Верховодила, пикнуть не давала, отыгрываясь за годы нужды и надежды, что когда-нибудь все изменится, и она станет управлять обстоятельствами, а не подчиняться им. Хватит, наподчинялась! Морозова никогда специально не присматривалась, не выбирала, и все же всякий раз выхватывала из мужского поголовья ту особь, которая была слабее ее. Единственный раз опростоволосилась – рискнула подчиниться чувству. Уж больно мужик был видный! И не дурак, к тому же. А вот

она повела себя глупо – не захотела меняться. Или просто не успела. Вот мужик и взбрыкнул, загулял... Его она выгнала за предательство, всех остальных – за слюнтяйство, за готовность гнуться не из необходимости, а по призванию.

– Ну так как, Тань, договорились?

Она смотрела на Виктора и думала, что на самом-то деле ей всегда недоставало сильного мужчины – из тех, что говорят «нет» и способны настоять на своем. Втайне она хотела именно того, что так отравляло детские годы – сочувствия и жалости. Она устала командовать! Ей надо, чтобы ее жалели, когда надо – утешали, чтобы за нее принимали решения.

– Таня, ты не спеши, ты подумай, – вдруг произнес Толмачев совсем другим голосом. Он уже не паясничал, не напрашивался на отповедь, он просил.

– Я попробую, – сказала она. – Виктор... – И спохватилась: – Но чтобы здесь, на фирме, никакого панибратства!

– Разумеется, Татьяна Сергеевна, разумеется. И последнее... Вот, получите.

Толмачев протянул сложенный вдвое лист бумаги.

– Что это?

– Заявление. По собственному желанию...

Татьяна взяла листок.

– Я так понимаю, – сказал Толмачев, – что у данной ситуации может быть два финала. Я могу оказаться плохим актером. Ваша мама меня раскусит, фиаско сделает из вас сущую мегеру, а при таком раскладе лучше уволиться и не до-

пустить смертоубийства.

– А второй вариант? – спросила Татьяна.

– Все может обернуться по-другому. В поезде мы проговорим всю ночь, и к утру я обнаружу, что передо мной не бесчувственный истукан, а слабая женщина с незавидной судьбой. Я проникнусь и выложу все, что у меня на душе, после чего вы сделаете вывод, что я не такой уж нахал. Мама мне ваша понравится, я ей тоже. Короче, мы полюбим друг друга, через месяц поженимся и займемся увеличением народонаселения. Должен предупредить, что одним ребенком я ограничиваться не собираюсь! А муж и жена не должны работать под одной крышей, особенно когда жена – начальник, а муж – подчиненный. Придется увольняться.

– А я не отпущу, – сказала Татьяна.

– Я тебя и спрашивать не буду, – улыбнулся Виктор.

Татьяна медленно скомкала листок и бросила его в угол.

– Это ничего не меняет, – предупредил Толмачев.

Морозова не ответила. Застегнула пальто, которое так и не удосужилась снять, и направилась к двери. В приемной остановилась у стола секретаря. Та стала подниматься, но Морозова положила ей руку на плечо:

– Не надо. Ну что ты все вскакиваешь? Неужели я такая страшная? Ладно, об этом потом. Я уезжаю до понедельника. Отдохните тут без меня. – Татьяна взглянула на Толмачева. – Как бы не опоздать. Пойдем... Витя.

Секретарь проводила их изумленным взглядом и схвати-

лась за телефон. Мир перевернулся!

Коробка передач

Ноги из-под коренных зубов, грудь торчком, глаза с поволокой. За это их и ценят, потому и привозят сюда, на Московский автосалон, как их зеркальные отражения – на все прочие мировые автосалоны. Чтобы стояли, сидели и потягивались на фоне машин. И молчали! Это непременно условие. А то стыда не оберешься.

Лида старалась не обращать на красоток внимания, дефилирующих по залу или застывших возле стендов. Не для того она сюда пришла, чтобы сравнивать их достоинства со своими недостатками. К сожалению, девиц было слишком много...

– Извините.

Лида посторонилась. Мужчина в замшевой куртке, не подпорченной ни единым пятнышком, взял со стойки буклет, развернул, просмотрел лениво и бегло, спросил:

– В Россию они поставляются с механической коробкой передач или только с «автоматом»?

Спрашивал он не у Лиды, а у «куклы Барби», восторженно хлопающей ресницами по ту сторону барьера.

– Прошу прощения, – проворковала Барби. – Менеджер сейчас подойдет.

– Секрет фирмы, – кивнул Замшевый, явно насмешничая и тем не менее одобрительно ощупывая «куколку» глазами.

Девушка иронии не расслышала, продолжая обольстительно улыбаться. За это ей платили.

– С механическими тоже, – сказала Лида.

Что это с ней? Зачем вылезла? Оценивающий взгляд Замшевого, такой самодовольно-мужской, ей не понравился, а вот ирония даже очень. Потому, видимо, и подала голос.

– Что? – Замшевый взглянул на нее. Как показалось, свысока. – Вы точно знаете?

Лида нахмурилась. Она всегда отвечала за свои слова.

– Точно.

– А вы, случайно, не в курсе...

– В курсе!

– Да я и сказать-то не успел...

– Я в курсе всего, что происходит с «субару» в нашей стране.

– Так, может, вы подскажите...

– Не подскажу. Здесь, на выставке, я не консультирую.

– А где?

– На работе.

– Девушка, а почему вы такая... э-э... нелюбезная.

– Потому.

Барби продолжала трепетать ресницами, рыская по сторонам глазами. Тут скандал назревает, клюшка какая-то припала, откуда взялась только, а менеджер запропастился. Что делать-то?

– Эх, девушка, девушка...

– Вы меня еще гражданкой назовите! – фыркнула Лида, повернулась и пошла вдоль стендов. Глянула искоса, ловя отражение в лакированном боку красующегося на подиуме «форда». Мужчины в замше она не увидела. Отчего-то стало обидно.

Похожая куртка мелькнула в толпе у входа на стоянку, когда два часа спустя Лида забирала оттуда свою «мазду». А может, почудилось.

Из-за пробок до работы Лида ехала целый час. Настроение барахтанье в столичном автомобильном болоте повысить в принципе не могло, поэтому в салоне она появилась с перекошенным от злости лицом.

– Что с тобой? – спросил Лагунов, оторвавшись от монитора.

Лида неопределенно повела плечом:

– Со мной – ничего.

– Тебя шеф спрашивал.

Лида сняла плащ и без стука вошла в кабинет начальника.

– Привет.

Борис тоже сидел перед компьютером. По экрану бежали цифры.

– Салют, Лидуся. Ну что там?

– Лучше, чем в прошлый раз, богаче.

– Ну и славно. Садись. Я тебя чего искал. Работать надо, вот чего! А то опять клиента Лагунову скинула.

– Мне сейчас заявление писать или как?

Борис закинул руки за голову, констатировал:

– В бутылку лезешь.

– «Форестерами» заниматься не буду. Я тебя предупреждала.

– Да помню я, помню! – Борис расцепил пальцы, переместил руки на живот. – Только не пора ли тебе, милая, с собственной памятью разобраться? Был Стас – и нет его, исчез, испарился. Ну, и чего ты себя мучаешь? Вычеркни его, сотри, и все дела. Ты посмотри на себя! Ни кожи, ни рожи, одни глазищи блестят. Между прочим, нехорошим лихорадочным блеском. В институте ты такой не была.

– Это было давно. – Лида положила ногу на ногу, одернула юбку.

– Давно, но правда! Может, тебе съездить куда, в Испанию, или подальше? Полежишь на солнышке, закрутишь романчик-другой, авось и отпустит. Деньги не жалея, мы тебе подкинем премиальных.

– Что, жаль терять ценного сотрудника?

– Не хочу потерять друга.

Лида покраснела:

– Спасибо, Боря. Но пусть все идет, как идет. А к «форестерам» я не подойду, ты уж не сердись. Пусть вокруг них Лагунов прыгает, ему это в кайф.

Шеф неодобрительно покачал головой:

– Ладно, хотя все это мне очень не нравится.

– И мне. Только поделаться с собой я ничего не могу и, на-

верное, не хочу.

– Пока? – уточнил Борис.

Лида встала:

– Я пойду, Боря. А то, знаешь ли, работа ждет.

– Иди, – махнул рукой шеф и с успокоенной совестью повернулся к компьютеру. В конце концов он Лидке не брат, не отец, чтобы в душу лезть на законных родственниках. Да и родственникам это не рекомендуется без особого на то разрешения. А Лида о том его не просила, наоборот, всячески подчеркивала, что со своими неприятностями сама справится. Потому что она женщина сильная и умная. Сильная – да, в этом не откажешь, но что умная, в этом Борис в последнее время очень сомневался. Была бы умная, давно выбросила бы Стаса из головы, так ведь нет, страдает, мучается, будь чуть послабее – точно свихнулась бы. И что она в нем нашла? Красив, элегантен, как рояль, но ведь скотина! Только и умеет, что глаза щурить и соловьем петь.

Стас появился в автосалоне прошлым летом. Борис как раз вышел из своего начальственного закутка, чтобы провести душеспасительную беседу с Лагуновым. Тот накануне явился на работу в изрядном подпитии, и окучивать клиентов Лиде пришлось в одиночку. Такого подчиненному спускать нельзя, потом себе дороже выйдет. А увольнять не хотелось, специалистом Лагунов был неплохим.

– Здравствуйте!

Борис оглянулся:

– Что вам угодно?

– «Субару».

– А именно? «Легаси», «аутбэк», «импреза»...

– «Форестер» есть?

– Разумеется. Лида!

Та выпорхнула из-за ярко-красной «мазды».

– Займитесь, пожалуйста.

Ох, лучше бы он окликнул Лагунова! Но это – удар по престижу салона, с такой-то харей у консультанта! А еще это означало, что с разносом пришлось бы повременить, откладывая же его «на потом» Борис не хотел, отходчивый он человек, может и простить. И все же лучше бы он позвал Лагунова!

Закрутило Лиду. Влюбилась по уши. Сначала «форестер» продала, а потом сама... купилась. На внешность, на речи. С одной стороны – понятно: годы поджимают, душа и тело любви просят, а тут такой принц на белом авто, и говорит – заслушаешься. С другой стороны – у нее же не только глаза и уши, у нее и мозги есть. Были, по крайней мере.

– Ты что творишь? – осторожно, чтобы не обидеть, спрашивал Борис. – Куда торопишься?

– Я его люблю, Боренька.

– Он же...

– Ты его не знаешь. Это маска. Он защищается о мира. На самом деле Стас хороший и добрый.

«Хороший и добрый» Стас бросил Лиду через полгода.

Отшвырнул, как приبلудную собачонку, которая мчится по первому зову, все сносит, все терпит.

Наутро после разрыва Лида пришла на работу с синяками, которые тщательно, но безуспешно пыталась замаскировать тональным кремом.

– Я ему морду разобью! – горячился Лагунов.

– И он тебя за это посадит, – осаживал Борис.

– А что тогда делать?

– Ждать. Очухается. Ну, не дура же она в самом деле.

– Когда?

Этого Борис не знал. Когда-нибудь. Хотелось думать, что скоро.

Скоро не получилось. Что-то у Лиды сдвинулось в голове. Куда только подевалась прежняя оптимистка. Мрачное лицо, хмурый взгляд из-под бровей, пальцы дрожат. Пьет, что ли?

– Ты, часом, подруга, не того? – Борис выразительно щелкнул по горлу. Месяц прошел, а Лида не только не оправилась от удара, а, похоже, еще больше согнулась.

– Я сплю плохо.

– И все?

– Ты вот что, Боря, ты за меня не волнуйся. Кстати, у меня к тебе просьба...

Она попросила на время избавить ее от клиентов, которым вынь да положь «форестер».

Совсем крыша съехала! Но Борис пошел навстречу, пото-

му что институтские годы никуда не выкинешь; потому что она поверила ему, когда он примчался к ней с безумной идеей открыть элитарный автосалон; потому что вложила в дело все, что имела – и деньги, и силы; потому что, наконец, не хотел терять «кранодипломную» выпускницу МАДИ, работающую под его началом и не имеющую карьерных устремлений. Лида довольствовалась тем, что имела, и руководству в лице владельца автосалона это импонировало.

Борис уступил, но взял за правило раз в месяц пытаться наставить Лиду на путь истинный. Но не получалось, вот и сегодня не получилось. Подождем...

Лида тем временем нехотя рассказывала Лагунову о том, что увидела на выставке. Когда над дверью офиса салона звякнул колокольчик, она даже не повернулась. Лагунов стал выбираться из-за стола, но был остановлен:

– Не беспокойтесь, мне девушка поможет.

Пришлось повернуться.

Замшевый улыбнулся:

– Теперь вы на своем рабочем месте и по долгу службы обязаны одарить меня консультацией.

– Как вы меня нашли? Следили?

Мужчина улыбнулся еще шире:

– На московских улицах это нереально. Это, извините, для кино. Просто я увидел там, на стоянке, как вы садитесь в машину, посмотрел на номер, а под ним зеленая такая полосочка с адресом салона, где куплен автомобиль. Сопоста-

вив имеющиеся данные, я пришел к выводу, что, вероятнее всего, вы работаете в этом салоне. Зачем покупать у кого-то, когда можно купить у себя? Скидки, выбор... Логично? По-моему, да.

– Вы сыщик? – спросила Лида.

– Угадали! Могу удостоверение показать.

– Не надо. Ваша профессия меня несколько не интересует.

– А биография, семейное положение, вредные привычки?

– Тем более.

– Тогда перейдем к делу? Новую машину хочу!

– Какую?

– А какую посоветуете?

– Я же не знаю ваших требований.

– И возможностей тоже. Поэтому начнем с ознакомительной экскурсии. Не возражаете?

Разумеется, Лида возражала. Про себя. Вслух ничего не сказала. Нечего было сказать. Конечно, можно было подключить Лагунова, но это обязательно станет известно Борису, и тот опять будет приставать со своими увещеваниями. Или не будет, в конце концов Борька начальник, и как у каждого начальника, которые тоже люди, терпение его не безгранично. Поставит вопрос ребром! А у нее не найдется даже привычного оправдания. Замшевый о «форестере» пока и не заикнулся.

Но более всего Лиду останавливало то, что, вздумай она

вручить клиента Лагунову, придется как-то объяснить это Замшевому, начав с обязательного: «Извините». А извиняться не хотелось, не за что ей извиняться.

– Пойдемте, – сказала она.

Замшевый оказался человеком дотошным. Он сыпал вопросами, садился за руль, просил открыть багажник, уточнял характеристики. Лида никак не могла сообразить, делал он это потому, что действительно выбирал автомобиль «по сердцу», или просто куражился. Во всяком случае, требования, а значит и покупательские его возможности так и оставались неясны. Подешевле или подороже? Покруче или попроще?

– Так что же вам надо? – час спустя не выдержала она.

– Я думаю, – сказал Замшевый. – Скажите, а вот у этой «мазды» климат-контроль на весь салон?

– Разумеется.

– А спутниковую связь вы мне организуете?

– Если потребуете.

– Это хорошо, – привередливый клиент с полным равнодушием захлопнул дверцу машины и потер руки. – Теперь «субару». Помнится, вы говорили, что это ваши любимые машины.

– Я этого не говорила, – сказала Лида, чувствуя, как кровь приливает к щекам.

– Но вы о них все знаете, не так ли?

– Обязана.

– Что ж, о них мы поговорим завтра.

– То есть как?

– Приеду завтра, тогда и поговорим, – сказал Замшевый, чьи глаза вдруг стали очень внимательными. – До свидания.

Лида подошла к окну и увидела, как Замшевый садится в потрепанную «ниву». Из таких да в «Субару», это как из грязи – в князи. Сыщик... Соврал, конечно. Это раньше муровцами представлялись, пыль в глаза пускали, сейчас времена другие.

Назавтра Лида позвонила Борису и сказалась больной. Шеф посоветовал вызвать врача.

– Ни к чему, – ответила Лида. – Отлежусь денек и выйду.

И вышла – появилась в салоне утром минута в минуту. Почти следом за ней вошел Лагунов.

– Как здоровье?

– Хорошо.

– Лид, а тот мужик вчера опять приезжал, ну, в замшевой куртке. Тебя спрашивал. Я объяснил, что ты приболела, помочь вызвался, а он развернулся – ать-два! – и ушел. Сказал, что еще придет.

– Когда?

Звякнул колокольчик над дверью, и в салон вошел Замшевый.

– Доброе утро, – сказал он. – Как вы себя чувствуете?

– Спасибо.

– Спасибо – это как?

– Ничего.

– Тогда продолжим.

Лида подвела его к снежно-белой «импрезе». Показала что и как. Потом дошла очередь до «аутбэка» модного «кирпичного» цвета.

У панорамного окна салона стоял темно-зеленый «форестер». Еще немного, подумала Лида, и придется звать Лагунова.

– Мне пора, – сказал Замшевый. – Служба! Бандиты не дремлют, и нам, скромным служителям правопорядка, дремать не положено.

– Так вы действительно сыщик?

– Я никогда не вру. Ну, разве по мелочам. Поэтому прошу отнестись к моим словам со всей серьезностью.

– Слушаю вас. – Лиде отчего-то стало страшно.

– Машины у вас в салоне прекрасные, но меня они не интересуют. Меня интересуют вы.

Замшевый резко повернулся и пошел к двери. Колокольчик задребезжал, и звон его не успел утихнуть, как дверь снова открылась. Замшевый подошел к ней и протянул букет красных роз.

– Это вам.

– Мне?

– Обещаю, что когда вы станете моей женой, я буду дарить вам цветы не только в день рождения и на 8 Марта.

Лида машинально взяла букет. Стас никогда не дарил ей

цветы.

Замшевый был серьезен:

– Вижу, Лидия, что вы несколько растеряны, поэтому официальное предложение я сделаю завтра.

Лида молчала, опустив голову. Потом подняла руку, чтобы поправить упавшую на глаза прядь. Замшевый перехватил ладонь, склонил голову, коснулся пальцев Лиды губами.

– Я приеду завтра. И очень надеюсь на положительный ответ.

– Но я даже не знаю, как вас зовут, – запинаясь и краснея, проговорила Лида.

– Сергей. Но разве это так важно? Ну, мне пора.

Замшевый скрипнул каблуками и направился к выходу. Снова зазвенел колокольчик...

Лагунов не отрывался от компьютера, спина его была выгнута вопросительным знаком.

– Это кто был? – появился из кабинета Борис, до того почти не скрываясь подслушивавший у приоткрытой двери.

– Не знаю, – честно ответила она. – Сергей.

Она и потом старалась быть честной сама с собой. Ей понравился этот человек, хотя внешностью он не блистал, разве что опрятностью. Но было что-то такое в его словах, в манере держать себя, что рождалась уверенность: ему можно доверять – во всем, ему можно верить – больше, чем себе. Влюбленность, любовь – это, конечно, прекрасно, но когда схлынет восторженность и открываются глаза, что остается?

Вера.

А он взял и не пришел, ее сыщик. Не пришел ни на следующий день, ни через день, ни через неделю. Исчез, как не было. Лагунов и Борис не лезли с вопросами, спасибо им, а Лида...

Лида искала. И нашла.

– Посетителей не пускаем, – процедила толстуха в белом халате.

– А передачу... Передачу – можно? Пожалуйста!

– Можно. Лучше в коробке, а то набьют сумки, а те хлипкие, собирай потом по полу ваши апельсины.

Пропустили Лиду через неделю, когда больного перевели из реанимации в обычную палату.

– Лидия! Так это вы мне коробки передавали? – спросил Сергей, перебинтованный так, что только щель там, где рот, да еще глаза видны, его глаза.

– Я.

– Коробка с передачами, коробка передач... Это профессионально!

Ей показалось, что щель изогнулась в улыбку.

– Но как вы меня нашли? Постойте, вы видели мою «ниву» и по номеру... Сложно, трудоемко, но осуществимо. Фамилия, адрес, бабульки у подъезда, место работы... Впечатляет! А я вот, Лида, побился. Была машина – теперь металлолом. Новую надо покупать, а то в ЗАГС заявление подавать не на чем съездить будет. Выручите? Дадите консульта-

цию? Вы же у нас в этом деле мастер.

– Могу предложить «форестер», – сказала Лида и тоже улыбнулась.

Край света

– Как ты себя чувствуешь?

– Хорошо.

Светлана смотрела в зеркало. Придаться не к чему, и все же она себе не нравилась. Видно, и мама что-то заподозрила.

– Ты позвонила Марии Петровне?

– Позвонила.

У Марии Петровны, которую мама не любила, осуждая за резкость суждений, сегодня был день рождения.

– И правильно. Она так страдает без доброго слова, без участия. – Мама снова поскреблась в дверь: – О чем вы с ней говорили?

– Это она со мной говорила. О политиках. О нравах. О болезнях.

– Последнее время она жаловалась на нездоровье.

– Она всегда жалуется.

– Надеюсь, ты ей не перечила? Нет? Вот и умничка. Мария Петровна человек тонкий, чувствительный.

– Я тоже.

– Что?

– Ничего. – Светлана положила руку на кран. – Извини, мне надо умыться, – и повернула вентиль. Струя ударила в раковину, заглушив голос из-за двери.

Вода из горячего крана бежала холодная и никак не на-

гревалась. В воскресенье приходил слесарь и ничего толком не сделал. Но деньги взял. А она еще извинялась за беспокойство. Зачем извинялась? По привычке.

Расчесав волосы, Светлана вышла из ванной.

– Иди ужинать, – позвала мама. – Я приготовила бигос.

Тушеную капусту с сосисками Светлана не любила, но съела все. Мама ревностно относилась к оценкам своих кулинарных способностей.

– Я выпью кофе, – предупредила Светлана.

– На ночь глядя кофе вреден!

Дочь покорно кивнула:

– Тогда чаю.

– Сегодня в газете напечатали очень интересную статью, – сообщила мама. – Прочитай, пожалуйста, мне бы хотелось узнать твое мнение.

– Не сейчас. Потом, – сказала Светлана.

– Ты даже не спросила, о чем статья! – мама обиженно дернула головой.

– Прости, я устала, только на телевизор и способна.

– Что там интересного? «Край света» уже не показывают.

В этом они были едины – в интересе к недавно завершившейся передаче «Край света». Правда, победы в игре они желали разным участникам, но об этом Светлана благоразумно умалчивала.

– Спасибо.

В комнате Светлана упала в кресло и включила телевизор.

Мама заглянула минут через сорок.

– Ты не прочитала статью? Жаль... – Взглянула на экран и произнесла осуждающе: – Как ты можешь смотреть такое?!

Двое за стойкой – мужчина с седыми висками и юноша в галстуке с эмблемой престижной частной школы – вели неспешный разговор на фоне оголяющейся на сцене грудистой девицы.

– Я отдыхаю, – сказала Светлана. – Ты идешь спать?

– Читать!

Фильм кончился тем, что выпускник школы для избранных покончил жизнь самоубийством, а его наставник сошел с ума. Не слишком типичная для Голливуда картина. Тем и хороша.

Светлана вышла в коридор. Свет из-под двери гостиной не пробивался, что означало – мама заснула.

– Спокойной ночи, – прошептала Светлана и вернулась в комнату. Там она достала из сумки журнал и села за письменный стол, который по большому счету ей был давно – с институтских времен – не нужен.

Журнал, рассказывающий о теленовостях, раскрылся на нужной странице. С анкетой...

Светлана включила компьютер. Сверяясь с журналом, нашла нужную страницу на сайте телеканала. Теперь – заполнить графы. Светлана проставила пол, возраст. Отчиталась о семейном положении, фактически – о своем одиночестве; о склонностях, пристрастиях, точнее – об их отсутствии. На

что она потратит призовые деньги, случись ей выиграть? Купит дом у озера. Ей всегда нравился Валдай, ей казалось, там воздух пронизан умиротворением. И еще она купит машину, чтобы ездить в Москву, к маме. На Валдай она ее не возьмет... Что она не сделает ни за какие деньги? Не изменится – ни к худшему, ни к лучшему. Даже если очень-очень захочет.

Оставалось щелкнуть по окошку «отправить», но Светлана медлила. Кому на глаза попадется ее анкета? Если вообще попадется кому-то... Да там все и так решено, у телевизионщиков... И обращение к широкой публике – это всего лишь пиар, реклама... А может, подумала она, это и к лучшему, что не попадется, никто не увидит, никто не узнает. Ведь она кто? Никто, моль белая, а игре требуются люди, способные вызвать у зрителей самые разнообразные чувства, а не единственное – жалость.

Светлана вновь пробежалась глазами по заполненным графам. Пол, возраст... И в конце: «Если хотите сообщить о себе дополнительные сведения, изложите их ниже...»

В окошке ниже дрожал курсор, готовый отсчитывать буквы...

Светлана решила, что сначала напишет на бумаге, ручкой, а потом отстучит по клавиатуре. Иначе связно не получится, а каша – запросто.

На чем бы написать? Светлана выдвигала ящики стола, пока в нижнем, в самом дальнем углу, не обнаружила свой дневник – не школьный, с оценками и росчерками учителей,

а тот, которому в 10-м классе в тайне от мамы доверяла свои надежды и мечты, свою любовь.

Последнюю запись в нем она сделала наутро после выпускного бала и убрала дневник в стол. И постаралась забыть о его существовании, а значит – и о Валере. Но дневник ждал своего часа... Десять лет прошло, и вот – дождался. Чтобы снова растревожить воспоминаниями.

Тетрадь была исписана почти до конца. Оставалось всего три чистых листка, их Светлана и вырвала.

Взяла ручку, написала: «Здравствуйте...» К кому она обращается? К продюсеру? Психологу? Пятому ассистенту младшего редактора? Она выбрала обтекаемую форму: «... уважаемые устроители игры «Край света». Пользуясь вашей любезностью, хочу более детально мотивировать мое желание принять участие во втором туре телеигры «Край света».

Светлана поморщилась: все верно, грамотно, но велеречиво и глупо. Будто официальное послание составляет – с реверансами и заверениями в преданности. А зачем пыжиться, если урна ни глаз, ни мозгов не имеет?

Светлана повертела ручку в пальцах и, склонив голову к плечу, стала писать легко и свободно.

«Мне не везет. Мне хронически не везет. Кто-то скажет, что в 26 лет говорить об этом рано – вся жизнь впереди, но я знаю, что при хронических заболеваниях лекарства и процедуры лишь затягивают процесс, но вспять обратить его не в состоянии.

– С тобой скучно, – сказал Валера.

С Татьяной, яркой девчонкой из их класса, между прочим, троечницей, ему было веселее. На выпускном он только с ней и танцевал.

– Когда я рядом с тобой, то всегда боюсь что-нибудь брякнуть, – через несколько лет сказал мне другой парень, Дима. – Будешь искать камень за пазухой, второе дно... А все время себя сторожить тяжело. С тобой вообще тяжело.

Он был прав. И я не обиделась, когда он переметнулся к Лиде, девушке из нашей группы, на которой и женился за месяц до окончания института. К Лиде я тоже была не в претензии. Дима – парень хороший, такого грех не полюбить. Я слышала, сейчас у них двое детей. Дима получил диплом за участие в международном конкурсе, трудился над проектом комплекса «Берег счастья» на Волге. Лида не работает, воспитывает их мальчишек. Не сомневаюсь, их детки возьмут от родителей лучшее: от Димы – целеустремленность и красоту, от Лиды – мягкость и мудрость.

Я же умом похвастаться не могу. Мне это еще Валера объяснил – тогда, накануне выпускного бала.

– Ты... дурная какая-то. Никому не веришь, всех подозреваешь. Думаешь, все тебя хотят обидеть? Это тебя мать настраивает...

– Маму мою не трогай! – я повысила голос.

– А ты не ори. Мать твоя одна, так, наверное, сама виновата. И ты одна останешься. Наверняка. Но я тут разбираться

не хочу, меня психиатрия не привлекает, я в экономический поступать собираюсь, а не в медицинский.. Все, пока!

И он ушел к Таньке, которая громко смеялась его шуткам и смотрела снизу вверх совершенно ошалелыми глазами.

Утром следующего дня я записала в дневнике: «Он прав. Мне это не нравится, но он прав. Надо меняться».

И не изменилась. В институте все повторилось с Димой. А потом, позже, с Артемом, в архитектурной мастерской, где я имею честь прозябать по сегодняшний день.

«Прозябать» – это моя оценка, хотя начальство мной довольно. Самая невидная, неблагодарная и кропотливая работа достается мне. Я не ошибусь в расчетах, я не подведу. Из меня получился никудышный архитектор, но очень исполнительный работник. На таких, как я, молятся, и таких не замечают.

Артема я вижу каждый день. Когда я пришла в мастерскую, он на меня сразу глаз положил. Купился на внешность. Ведь я очень ничего, это правда. Цветы дарил, на свидания звал. Мне это было приятно. Но это было неожиданно, и потому пугало. Наш роман продолжался три месяца, а потом он сказал:

– С тобой опасно. Об тебя обрезать можно. Рядом с тобой и ангел будет чувствовать себя подлецом. Подозрительность должна быть избирательна, а справедливость – милосердна. А ты сначала сжимаешься в ожидании удара, а потом сама начинаешь хлестать наотмашь. Превентивная мера...

Ну кому такое понравится?

Никому не понравится, я понимаю. Даже маме моей, хотя именно она выпестовала меня такой: неуверенной в себе, ждущей, что любой встречный только и мечтает, как бы уязвить, насмеяться. Я жалею маму, в свое время ее сильно обидели, и она так и не смогла выпрямиться. И я ее не осуждаю, она хотела как лучше, она хотела уберечь меня, предупредить.

Ей не повезло, ей не встретился человек, кому можно было бы довериться безоговорочно, а теперь не везет мне. Я всегда мечтала быть в окружении людей, которые говорят, что думают, и делают, что говорят. Такие люди есть, я знаю, иначе и быть не может, иначе мир перестанет существовать, захлебнется во вранье. Может быть, такие люди мне встречались. Может быть, и Дима, и Артем, и Валера были именно такими – любящими, преданными. А не смогла заставить себя в это поверить. Я сомневалась... Мне нужны были гарантии! А их никто предоставить не мог.

Теперь вы понимаете, почему я посылаю вам свою анкету, почему согласна на все ваши условия и готова ехать куда угодно, на остров, в тайгу, в пустыню, лишь бы принять участие в игре. Меня устраивают ее правила! Следуя им, человек покажет свою суть. Чуть раньше, позже, но неизбежно. И все это будет на моих глазах. И это будет урок, а я способная ученица.

Я была с вами откровенна, как откровенны попутчики в

поезде: вывернули душу – и полегчало, разошлись на перроне – и забыли друг друга. Потому и откровенничали...

У телевидения свои законы, своя диктатура. Скорее всего, вы давно прикинули, кто вам нужен: бизнесмен, актриса, пенсионер, учительница, безработный... В этом ряду нет места для неудачливого архитектора с массой комплексов. Я все это понимаю, как понимаю и то, что послание мое вряд ли кто прочитает. Потому и выложила все, как есть. Только перестука колес на рельсовых стыках не хватает.

И еще должна сказать, что очень вам благодарна, уважаемые устроители телеигры «Край света». Я давно так ни с кем не говорила. Я не езжу в поездах дальнего следования, у меня нет близких подруг, у меня только мама, но с ней об этом нельзя, она будет плакать, а я не хочу, чтобы она плакала.

До свидания...»

Светлана бросила ручку. Посидела. Потом стала стучать по клавишам, набивая текст. Поставил точку. Осталось отослать... Это надо сделать, сделать сейчас же, если промедлить, то она может опомниться и сотрет текст, уничтожит анкету... И это, наверное, будет правильно. Зачем выставлять себя на посмешище? Да, конечно, никто не прочитает, разве что какой-нибудь стажер. Он будет читать и хихикать. Или того хуже – жалеть. Нет, надо сейчас же, сию секунду...

Светлана нажала на клавишу «мышки».

И в следующую секунду пожалела о содеянном.

Но ужине не исправишь...

Дверь открылась.

– Ты почему не спишь?

– Сейчас лягу.

– Уж пожалуйста...

Сухонькая рука потянулась к морщинистому старушечьему горлу.

– Что с тобой? – Светлана подалась вперед. – Сейчас... капли...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.